

ISSN 2542-2332

2019 №2 (19)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ

по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

ISSN 2542-2332

2019 №2 (19)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2019

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The journal was prepared with the support of the RPF project "Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX-XX centuries" (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байпаков К. М., Акылбек С. Ш., Терновая Г. А.</i> К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII–IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.)	9
<i>Пиков Г. Г.</i> Роль киданьской элиты в истории государства Си Ляо (Западное Ляо)	36
<i>Сериков Ю. Б.</i> К вопросу о проблемах датирования пещерной и наскальной живописи	46
<i>Смагулов Е. А.</i> О сакральном значении керамических атрибутов алтарей в жилищах Присырдарьи	61

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васечко В. Ю.</i> Этноконфессионализм иерократа и универсализм «ученого профана»: к характеристике эпистемологического дискурса в политарном обществе	75
<i>Ярков А. П.</i> «А куда их деть?»: о нравственно-правовых коллизиях в умме Сибири	90

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Беликов С. В., Дворянчикова Н. С., Шершинева Е. А.</i> Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о культах в Западной Сибири во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.	100
<i>Кацаева М. В., Пирогова О. В.</i> Религиозные ориентации студенческой молодежи провинциального центра (на примере Барнаула): от теории к практике	112
<i>Худяков Ю. С.</i> Сведения о распространении мировых прозелитарных религий и традиционных верований и погребальных обрядов среди енисейских кыргызов и кыштымов в периоды раннего и развитого Средневековья	127

Раздел IV

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Дашковский П. К., Савельева Т. В.</i> Карл Молдахметович Байпаков — выдающийся ученый и организатор науки Казахстана	144
---	-----

Раздел V

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Сулейманов Р.Р. Рецензия на книгу В. Н. Рогатина «Гонения на православие на Украине в 2014–2016 гг.» 168

Раздел VI

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

Дашковский П. К. Итоги работы IV Конгресса российских исследователей религии 173

ДЛЯ АВТОРОВ..... 181

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Baipakov K. M., Akylbek S. S., Ternovaya G. A.* To the question of religious life of Kulan medieval town in VIII–IX c. (based on materials of research of citadel in 2017)9
- Pikov G. G.* The role of the Chitan elite in the history of the state of the Hsi Liao (Western Liao)36
- Serikov Y. B.* For the question of dating cave and rock painting.....46
- Smagulov E. A.* Concerning the sacred meaning of ceramic artifacts from the clay altars in the dwellings of the land along the Syr-Darya river61

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Vasechko V. Y.* Hierocrat's ethnoconfessionalism and “academic profane's” universalism: characterization of epistemological discourse in politary society.....75
- Yarkov A. P.* “But where to put them?”: the moral and legal conflicts in the ummah of Siberia.....90

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Belikov S. V., Dvoryanchikova N. S., Shershneva E. A.* The activity of the commissions for control over execution of the legislation on cults in Western Siberia in the second half of the 1960s — early 1980s. 100
- Kashchayeva M. V., Pirogova O. V.* Religious orientations of student's youth of provincial capital (the city of Barnaul as an example): from theory to practice.....112
- Hudyakov Yu. S.* Data about dissemination of the world's proselytizing regions and traditional beliefs and funerary rites among the yenisei kyrgyz and kyshtym during periods of the early and high middle ages 127

Section IV

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

PERSONALITIES

- Dashkovskiy P. K., Saveljeva T. V.* Baipakov Karl Moldahmetovich — an outstanding scientist and organizer of science of Kazakhstan.....144

Section V

BOOK REVIEWS

- Suleymanov R. R.* Review of the book by V. N. Rogatin “Persecution of Orthodoxy in Ukraine in 2014–2016” 168

Section VI

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

Dashkovskiy P. K. The results of the work of the IV Congress of Russian Scholars
of Religion173

INFORMATION FOR THE AUTHORS 181

УДК 94 (5); 94 (100) 05; 94 (510) 03; 94 (517)

DOI: 10.14258/nreur(2019)2–02

Г. Г. Пиков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

РОЛЬ КИДАНЬСКОЙ ЭЛИТЫ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА СИ ЛЯО (ЗАПАДНОЕ ЛЯО)

Западнокиданьское государство Западное (Си) Ляо (1125–1218), созданное представителями киданьской элиты после гибели империи Ляо, не уступало крупнейшим восточноазиатским державам того времени и стало результатом уникального эксперимента строительства нового государства за пределами родной цивилизационной зоны. Несомненной заслугой киданьской элиты было не только отвоевание пространства для основания государства, но и формирование основ имперского государственного устройства. Киданьская элита попыталась перенести на Запад именно ляоский вариант «мироустроительной» парадигмы. В данной сфере наблюдается большее, чем в Ляо, использование китайского управленческого и бюрократического опыта. Организация военного дела во многом напоминала киданьскую, созданную с определенной ориентацией на китайский военный опыт. Достаточно успешной была и религиозная политика киданьской элиты. Она применила ляоский принцип использования разных законов для разных народов. Экономическую политику киданьской элиты в Западном Ляо можно назвать вполне профессиональной и успешной. Западные кидани, установив общий и максимальный контроль, способствовали экономическому самоопределению региона в условиях пошатнувшейся внешней торговли. Новая страна стала местом, где шел сложный синтез различных культурных потоков.

Ключевые слова: кидани, кара-китай, элита, кочевники, гурхан, император, империя, Западное Ляо.

G. G. Pikov

Novosibirsk state University, Novosibirsk (Russia)

THE ROLE OF THE CHITAN ELITE IN THE HISTORY OF THE STATE OF THE HSI LIAO (WESTERN LIAO)

The state Western (Hsi), Liao (1125–1218) created by members of the Chitan elite after the death of the Liao dynasty, not inferior to that of major East Asian powers of the time, and was the result of a unique experiment of building a new state outside the native civilization of the

zone. The undoubted merit of the Chitan elite was not only the reconquest of space for the foundation of the state, but also the formation of the foundations of the Imperial state. Chitan elite tried to shift to the West is Liao experience. In this area, there is more use of Chinese managerial and bureaucratic experience than in Liao. The organization of military affairs in many respects resembled the Chitan created with a certain orientation to the Chinese military experience. The religious policy of the Chitan elite was also quite successful. It applied the Liao principle of using different laws for different peoples. The economic policy of the Chitan elite in Western Liao can be called quite professional and successful. Western Chitans, having established general and maximum control, contributed to the economic self-determination of the region in terms of the shaken foreign trade. The new country has become a place where there was a complex synthesis of different cultural flows.

Key words: Chitans, Kara-Kitai, elite, nomads, gurkhan, the Emperor, the Empire, West Liao.

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: gennadij-pikov@yandex.ru.

После смерти основателя западнокиданьского государства Елюй Даши представители элитных киданьских родов Елюй и Сяо находились у власти почти на всем протяжении существования государства. Даши наследовала его вдова Табуян в качестве регентши (1143–1151) при малолетнем сыне Илии. Елюй Илия вступил на престол в 1151 г. и правил 10 лет (1151–1161). После его смерти в 1161 г. на престол вступила его младшая сестра Елюй Пусувань, правившая до 1177 г. Она вышла замуж за сына полководца Сяо Валила по имени Сяо Долубу. Даровала мужу титул Дунбин вана, но вскоре по просьбе своего любовника, брата мужа, убила его. Сяо Валила окружил войсками дворец, и императрица была убита вместе со своим любовником. На престол вступил второй сын Илии — Елюй Чжунху (1177–1211), старшего брата которого «принесли в жертву безопасности нового суверена». Самым последним каракитайским правителем стал найманский царевич Кучлук (1211–1218).

Само по себе государство было огромным и по своим размерам не уступало крупнейшим восточноазиатским державам китайцев, тангутов и чжурчжэней, однако кидани непосредственно контролировали только свой собственный домен — они, по свидетельству Ибн ал-Асира, «обитали в Узкенде, Баласагуне, Кашгаре и их окрестностях», хотя гарнизоны их были «в стране Туркестан и в Мавераннахре» [Материалы, 1973: 73]. По переписи, проведенной гурханом Елюй Или в 1151 г., насчитывалось 84,5 тыс. хозяйств, которые могли поставлять в армию и на службу гурхану мужчин старше 18 лет. Даже этот показатель свидетельствует о том, что киданьский домен по территории был типичным средневековым государственным образованием.

Кидани занимали ключевые посты в армии и системе управления Си Ляо. Среди них было много представителей непосредственно киданьской элиты, давно уже оставившей

кочевой образ жизни, жители городов, через которые маршем шли кидани, так называемые хань эр, т. е. китайцы, жившие среди киданей, или окитаившиеся кидани. В источниках, в частности, упоминаются один из соратников западнокиданьского правителя, который участвовал в посольстве Даши к тангутам в 1126 г., и некий Ли Шичан, дед которого был первым министром у Елюй Даши [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949: 665, 669].

Несомненной заслугой киданьской элиты было не только отвоевание пространства для основания государства, но и формирование основ имперского государственно-го устройства. Вся империя была разделена на две неравные части: внутренние районы с центром в Баласагуне, которые управлялись непосредственно центральным правительством империи и зависимые территории. На землях империи проживали пришедшие с киданями отдельные западномонгольские родовые группы, тунгусские элементы и жители отдельных вассальных тюркских государств, таджики, карлуки, группа тюрок во главе с Караханидами, уйгуры, китайцы, «много умелых и ученых людей» из числа евреев, смуглые индийские мусульмане [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949: 660].

Киданьская элита установила три степени зависимости этих территорий от центральной власти (посылка наместника, посылка сборщиков дани и разрешение местному правителю или феодалу самому привозить дань в столицу) [Vasary, 1978: 201–206]. Как правило, вассальные территории были независимы в своих внутренних делах. К тому же они были разделены на «фактически самостоятельные уделы, управляемые членами или родственниками», воевавшими между собой, что привело к их ослаблению и «послужило одной из причин падения государства Караханидов» в будущем [Караев, 1983: 164, 262]. Государство управлялось из Баласагуна — столицы империи. Ставка гурхана возле этого города была столь велика, что требовалось полдня, чтобы обойти ее.

Если первого правителя Си Ляо еще можно было бы, не особенно задумываясь, считать неким идеалистом, желавшим создать «правительство в эмиграции», то последующие гурханы придерживаются этой цели совершенно не случайно. Киданьская элита попыталась перенести на Запад именно ляоский вариант «мироустроительной» парадигмы. На это указывает сама «Ляо ши», называющая западную династию законной китайской династией и считающая, что ее исторические анналы прямо следуют киданьским образцам. Раздел в «Ляо ши», посвященный западным киданям, явно был составлен на основе каких-то письменных текстов, причем из Си Ляо, ведь в нем указаны очень точные имена и девизы правления. К тому же китайцы не случайно признавали легитимность кара-китайской династии, если описывали ее связь с Ляо [Chan Hol-lam, 1981: 56–106].

Правители государства, прежде всего гурхан Елюй Даши, упорно хотели превратить его в империю, и, хотя в Восточный Туркестан ушло большое количество родовых групп из Монголии, именно эти люди были руководителями «исхода» и вместе с императором вырабатывали доктрину нового государства. С этой целью шло активное заимствование китайского и киданьского опыта государственного строительства [Пиков, 1989], в том числе отчасти и система нескольких столиц [Пиков, 1986: 24–33]. Среди чиновников, окружавших гурхана, значатся и должности, которые существовали в Ляо (воспитатели сыновей правителя, чиновники, ответственные за придворный этикет, за проведение церемоний, управлявшие шатрами, канцелярскими принадлеж-

ностями, лампами и свечами). Как и в период Ляо, у западных киданей существовал титул «Великого князя шести подразделений», «ту-лу», «ю-шуми фу ши», «первого министра», «фу-ма» [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949: 126, 127, 129, 427, 440, 441, 474, 665; Пиков, 1989: 129, 130]. Правда, имелись и мусульманские титулы, такие как «везир». Когда в 1134 г. Елюй Даши послал военные экспедиционные силы для освобождения территорий, захваченных чжурчжэнями, то одним из главных их руководителей был Елюй Яньшань, занимавший пост тулу племени ча-цзи-ла [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949: 666]. Этот титул весьма похож на существовавший в ляоском государственном аппарате титул ту-ли, который носил чиновник, контролировавший племя Си. По мнению К. Менгеса, кара-китаи в качестве образца брали кое в чем даже систему, существовавшую у киданей и родственных им племен в додинастический период [Menges, 1953: 73]. Сам Даши носил киданьско-китайский императорский титул. Девизы правления и храмовые имена западнокиданьских правителей были китайскими, китайскими же были почетные и административные титулы знати и чиновников. На внутренней территории государства взимались налоги по китайскому образцу (с хозяйств, а не отдельных лиц).

Сохранились западнокиданьские монеты китайского типа с надписями на китайском языке [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949: 673]. В Западном Ляо чеканилась собственная монета по ляоскому образцу. Сунский ученый Хун Цюань (1149) упоминает в своей работе монету, выпущенную вдовой Елюй Даши. Есть мнение, что монета, подписанная «Кан-го Тун-бао», изготовлена при самом основателе династии кара-киданей [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949: 224, 253, 630, 664]. В районе столицы Си Ляо найдено несколько монет, выпущенных при Елюй Или [Беляев, Сидорович, 2012: 267–278]. В Катванской степи участвовали отряды не только киданей, но и китайцев, тюрок и других племен. В Си Ляо существовали Северная администрация (бэй мянь) и Южная администрация (нань мянь).

В данной сфере наблюдается большее, чем в Ляо, использование китайского управленческого и бюрократического опыта. Кидани, чтобы отличаться от подданных империи — мусульман, продолжали одеваться в киданьскую одежду, император носил одеяния из китайского шелка. Восточные пришельцы упорно, хотя и достаточно безуспешно, навязывали местным жителям китайский календарь, т. е. подражали в этом киданьским и китайским императорам, которые в принятие вассальными государствами этого календаря не без основания видели эффективное средство контроля. Китайская письменность использовалась наравне с киданьской, уйгурской и персидской. О китайских заимствованиях говорит даже использование для отопления жилищ канов [Бернштам, 1952: 169–172; Чуйская долина, 1950: 47–55, 139–142; История Киргизии, 1956: 140–141]. В западнокиданьской же культуре явно наблюдаются общие для всей Восточной Азии факторы: наличие общей письменности (в киданьской интерпретации), отсутствие единой религиозной доминанты и фактическое наличие китайской идеи «саньцзяо» (трех учений — буддизма, даосизма, конфуцианства), общность права, духовная общность, наличие социально стратифицированных культур (чиновника, монаха, воина) [Кычанов, 1988: 93]. Действительно, для культур, входящих в определенный цивилизационный ареал («мир»), характерен аксиоматический подход к культуре, проявляющийся в признании общей парадигмы региона. По давно высказанному мнению, «кара-ки-

таи внесли в Среднюю Азию новую струю китайской культуры» [Бернштам, 1941: 99], и ее «наличие объясняется восприятием элементов китайской культуры каракитайскими феодалами во время их пребывания в Маньчжурии» [Исторический музей, 1960: 36]. По мнению Лян Юаньдуна, государство Си Ляо на протяжении всей своей истории имело с Китаем тесную связь.

Еще одно направление деятельности киданьской элиты было естественно связано с военной сферой. Организация военного дела во многом напоминала киданьскую, созданную с определенной ориентацией на китайский военный опыт [Пиков, 1989: 147–155].

Следующая проблема логически вытекает благодаря самой постановке вопроса: была ли основа для существования имперской конструкции на территории Центральной Азии? Решение этой проблемы осложняет методологическая размытость самого термина «империя». Если учесть, что территория империи не может быть безразмерной, а ее пространство обязательно ограничено географическими препятствиями, связано этнокультурной близостью населяющих ее народов, уже сложившимися экономическими связями и обусловлено возможностями «метрополии» (людские, военные ресурсы), ибо без насилия территорию не удержать, то все эти условия мы находим в Си Ляо.

Стоит еще раз обратить внимание на то, что киданьский правитель имел фактически несколько титулов, которые использовались, вероятно, как официальные. Даши от баласагунского правителя, который призвал его на помощь в борьбе с племенами карлуков и канглы, получил титул хана, а того стал именовать «илиг-туркмен» («илиг тюрок») [Чингисхан, 2004: 249, 617]. Поскольку этот правитель был потомком легендарного Афрасиаба, то киданьский правитель фактически стал тройным правителем с титулами киданьского императора, монгольского гурхана и тюрокского хана. Много тюрок осело на бывшей границе с Ляо, и они присоединялись целыми племенами или отдельными изгоями. В результате Даши шел на запад не только как киданьский император и глава конфедерации монгольских племен, но и во главе тюрок. Кидани преобладали и командовали, и потому Даши воспринимали прежде всего «китаем».

Имперская ситуация и стала объединением трех зон. Не случайно в источниках их и называют по-разному. Мусульманские авторы знают о фактическом наличии двух титулов у киданьского правителя и упоминают его как «хана ханов ас-Сини, царя хитаев» [Давидович, 1957: 114], а самих кара-китаев называют то китайцами, то тюрками. У Джузджани есть замечательное выражение — киданьские тюрки, «тюрки из Кара-Китая» [The Tabakat-i Nasiri, 1864: 9, 13, 28]. Си Ляо — попытка объединения трех подзон: Ляо (император), монголы (гурхан), тюрок (тюркский хан). Это вызвано сложившейся временной и уникальной ситуацией.

Однако нужно иметь в виду, что «китайское» как в Восточной, так и Центральной Азии в это время не означает собственно «ханьское», связанное с династиями, существовавшими в центральном Китае (Суй, Тан, Сун), а является фактическим обозначением того общецивилизационного, что объединяло все народы к востоку от мусульманского мира*, в том числе включавшего и такие элементы центральнокитайского куль-

* Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в средневековой Европе, где «романское начало» (латинский язык, римское право, античная культура, христианство) использовалось всеми народами и племенами континента.

турного комплекса, как язык, идеологии, право, литература, властные модели и т. д. Думается, что использование в Си Ляо китайского языка на монетах, китайского календаря, китайской титулатуры и подобного вряд ли можно однозначно считать использованием всего комплекса китайской культуры.

Мы не знаем, как именно называли себя сами кара-китаи, однако косвенные данные дают возможность высказать предположение, что свое государство они упорно продолжали называть Си Ляо. «Си Ляо» китайское наименование их династии, но, если учесть, что кидани упорно придерживались киданьско-китайской историко-политической доктрины, можно говорить, что они могли и на официальном уровне так именовать свое государство. В китайских источниках есть и другие обозначения центрально-азиатских киданей, но все они так или иначе подчеркивают их связь с востоком: поздние кидани (хоу цидань), западные кидани (си цидань), кидани Даши (Даши цидань), государство Даши (Даши го), государство Даши-линья (Даши линья го), черные кидани (хэй цидань, хала кита).

Достаточно успешной была и религиозная политика киданьской элиты. Она применила ляоский принцип использования разных законов для разных народов. Это не было свойственно исламу, при котором шариат был обязателен для всех.

В. В. Бартольд высказал в свое время предположение о высокой веротерпимости Елюя Даши [Бартольд, 1898: 99], который и не мог быть проповедником одной какой-либо религии, ибо перед ним стояла задача обеспечить мир в полиэтнической и многоконфессиональной империи. Первые гурханы, по свидетельству Джузджани, «обращались с мусульманами с великим почтением» [The Tabakat-i Nasiri, 1864: 912]. Мусульманские авторы дружно хвалят справедливость гурханов и их уважение к исламу. Видимо, кара-китаи «уважали» ислам не только из политических или конъюнктурных соображений. Среди пришельцев было много христиан, близких к мусульманам по вере.

Гурханы активно использовали на службе образованных мусульман. Джузджани сообщает, что когда кара-китаи «возвысились, главными людьми (министрами?) у них, подряд друг за другом, было несколько человек, и среди тех, кто жил приблизительно в мое время и о которых я слышал от рассказчиков, были И-ма, Сункам, Арбаз, Юма и Банико (из Тараза)». Представителем гурхана Елюй Даши в Бухаре был мусульманский тюрок Атматигин. Визирем последнего гурхана был мусульманский купец Махмуд Тай [Чингисхан, 2004: 251], лейб-медиком — мусульманский судья (кади) Шамс ад-Дин Мансур б. Махмуд ал-Узганди. Баскаком в Кэсане в конце династии был Измаил, после падения государства возглавивший составленный из кара-китаев десятитысячный корпус. Арабский язык использовался параллельно киданьскому как язык общения и политики. Все шире используется мусульманское право. Киданьское же право практически ограничено кругом киданей, да и оно все чаще применяет нормы шариата. Налицо ситуация, аналогичная той, что была в Ляо, где использовались китайцы. Кара-китаи пытались по аналогии с Южной администрацией создать Западную. В Ляо это было возможно, ибо кочевой север и оседлый юг в империи были близки, а здесь монгольский запад и мусульманский восток во многом антагонистичны.

Одновременно пришельцы с востока находились уже под сильным влиянием буддизма, который неизбежно привнесли в центральноазиатскую культурную среду [Ис-

торический музей, 1960: 35–38]. В то же время хотя ислам и был еще молод, но сумел пустить свои глубокие корни. Естественно, что в этих условиях конфликт двух столь мощных мировых религий был не только неизбежен, но и силен.

В государстве существовала типичная для Восточной Азии ситуация религиозного синкретизма*, где сосуществовали и причудливо переплетались элементы самых различных религиозных верований (несторианство, буддизм Махаяны, манихейство, тенгриизм, конфуцианство, ислам). Как сообщает Ауфи, среди киданей встречались все религии, кроме еврейской [Бартольд, 1898: 99]. Несторианский патриарх Илья III (1176–1190 гг.) даже основал митрополию в Кашгаре, а кашгарский митрополит носил титул «митрополита Кашгара и Невакета». В 1142 г. состоялось примирение несториан и яковитов (монофизитов) на территории государства западных киданей. Имя сына Елюй Даши (Или — Илья), возможно, действительно было связано с христианством. По свидетельству Джузджани, кидани покровительствовали всем религиям и в этом плане поступали справедливо [The Tabakat-i Nasiri, 1864: 912].

Особо следует сказать об экономической политике киданьской элиты в Западном Ляо, которую можно назвать вполне профессиональной и успешной. Территория этого государства была зоной, где доминировала внешняя торговля, хотя существовали и земледельческие, и скотоводческие районы. Эти районы не были объединены в цельное экономическое пространство, поскольку характер развития региона определяла все же именно внешняя, а не внутренняя торговля. К тому же эта зона была периферийной по отношению как к Центральной Азии, так и Восточной Азии. По этой причине вряд ли можно обвинять западных киданей в том, что они что-то «разрушили», скорее, наоборот, именно они, установив общий и максимальный контроль, способствовали, как минимум, экономическому самоопределению региона в условиях пошатнувшейся внешней торговли.

Территория Восточного Туркестана относится к так называемым маргинальным районам, где возможны оба неразрывно связанных с историей кочевых обществ процесса — седентаризации и номадизации. На территории обитания западных киданей существовал комплекс самых разнообразных природно-климатических условий, что давало возможность развивать комплексную экономику. В источниках говорится и о широком распространении земледелия, шелководства, виноградарства, различных ремесел [Кожемяко, 1959], есть все основания говорить о важной роли скотоводства в государстве Западное Ляо, но отнюдь не о ведущей. Правители государства видели выгоды земледелия и стремились взять его под свой контроль. Земля уже могла свободно продаваться и покупаться состоятельными людьми. Свообразием отличались города на территории обитания кара-китаев. Абулгази-хан Хивинский сообщает, что столица западных киданей была «великим городом». Выявлены так называемые длинные оборонительные стены — валы вокруг городищ, которые окружали поля. Город здесь можно назвать аграрным, ибо у него нет присущей большинству городов на востоке сельскохозяйственной округи в виде рустаков. За длинными стенами города сосуществовали

* Все империи, и Си Ляо не исключение, фактически создавали синкретическую культуру, лишь по названию остававшейся этнической.

административный центр, ремесла, земледелие и даже элементы скотоводства. Некоторые исследователи даже предлагали называть такое поселение «урбанизированной деревней» или «городом сельского типа».

Именно осложнение трансрегиональных торговых связей самым существенным образом повлияло на судьбу западных киданей. Их государство недолго смогло контролировать товаропотоки, поскольку дальше к востоку складывалась очень сложная ситуация. Территория монгольских племен была охвачена усобицами. Империя Цзинь основным вектором своей экономической активности избрала Китай, а западное направление не пользовалось достаточной популярностью. В результате торговля в зоне обитания западных киданей сокращалась, и экономическая роль Си Ляо становилась менее значимой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бартольд В. В. История Туркестана в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1898. Т. 1. 573 с.

Беляев В. А., Сидорович С. В. Обнаружение монет Западного Ляо и уточнение названия девиза правления императора Елюй Или // Общество и государство в Китае : XLII научная конференция. М., 2012. С. 267–278.

Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941. 112 с.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. Т. 26. С. 169–172.

Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов // Труды Государственного Исторического музея. Вып. XXVI. М., 1957. С. 91–119.

Исторический музей: справочник-путеводитель. Фрунзе, 1960. 170 с.

История Киргизии. Фрунзе, 1956. Т. 1. 426 с.

Караев О. К. История Караханидского каганата. Фрунзе, 1983. 301 с.

Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. 186 с.

Кычанов Е. И. О единстве дальневосточного культурного региона // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций на Востоке. III Всесоюзная конференция востоковедов. Душанбе. М., 1988. Т. 1. 245 с.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. 280 с.

Пиков Г. Г. Западные кидани. Новосибирск, 1989. 196 с.

Пиков Г. Г. О столице государства западных киданей // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986. С. 24–33.

Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / пер. с англ. яз. Е. Е. Харитоновой. М., 2004. 688 с.

Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л., 1950. Т. 14. 160 с.

Chan Hol-lam. Chinese Official Historiography at the Yuan Court. The Composition of the Liao, Chin and Sung Histories // China under Mongol Rule. Princeton, NJ, 1981. S. 56–106.

Menges K. Titles and organisational Terms of the Qytan (Liao) and the Qara-Qytan (Si-Liao) // *Rocznik Orientalistyczny*. Krakow. 1953. T. XVII (1951–52). S. 68–79.

The Tabakat-i Nasiri of al-Jawzjani. A General History Muhammadan Dynasties of Asia. Transl. by H. G. Raverty. Calcutta, 1864. V. 2. 418 p.

Vasary I. The origin of the institution of Basqaqs // *Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae*. Budapest. 1978. T. XXXII. Fasc. 2. S. 201–206.

Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125). Philadelphia, 1949. Vol. 36. 752 p.

REFERENCES

Bartol'd V. V. *Istoriia Turkestana v epokhu mongol'skogo nashestviia* [The history of Turkestan in the era of the Mongol invasion]. SPb., 1898. T. 1. 573 s. (in Russian).

Beliaev V. A., Sidorovich S. V. *Obnaruzhenie monet Zapadnogo Liao i utochnenie nazvaniia deviza pravleniia imperatora Eliui Ili* [Detection of Western Liao coins and clarification of the name of the reign of Emperor Yehlü Ili]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XLII nauchnaia konferentsiia* [Society and state in China: XLII scientific conference]. M., 2012. S. 267–278 (in Russian).

Bernshtam A. N. *Arkheologicheskii ocherk Severnoi Kirgizii* [Archaeological sketch of Northern Kyrgyzstan]. Frunze, 1941. 112 s. (in Russian).

Bernshtam A. N. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki tsentral'nogo Tian' — Shania i Pamiro-Alaia* [Historical and archaeological essays of the Central Tien Shan and Pamir-Alai]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]. M., 1952. T. 26. S. 169–172 (Russian).

Davidovich E. A. *Numizmaticheskie materialy dlia khronologii i genealogii sredneaziatskikh Karakhanidov* [Numismatic materials for chronology and genealogy of Central Asian Karakhanids]. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia* [Proceedings of the State Historical Museum]. M., 1957. Vyp. XXVI. S. 91–119 (in Russian).

Istoricheskii muzei: Spravochnik-putevoditel' [Historical Museum: guide]. Frunze, 1960. 170 s. (in Russian).

Istoriia Kirgizii [History Of Kyrgyzstan]. Frunze, 1956. T. 1. 426 s. (in Russian).

Karaev O. K. *Istoriia Karakhanidskogo kaganata* [History of the Karakhanid state]. Frunze, 1983. 301 s. (in Russian).

Kychanov E. I. *O edinstve dal'nevostochnogo kul'turnogo regiona* [On the unity of the far Eastern cultural region]. *Vzaimodeistvie i vzaimovliianie tsivilizatsii na Vostoke. III Vsesoiuznaia konferentsiia vostokovedov* [III all-Union conference of Orientalists. Interaction and mutual influence of civilizations in the East]. M., 1988. T. 1. 245 s. (in Russian).

Kozhemiako P. N. *Rannesrednevekovye goroda i poseleniia Chuiskoi doliny* [Early medieval cities and settlements of the Chui valley.]. Frunze, 1959. 186 s. (in Russian).

Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii [Materials on history of Kyrgyz and Kyrgyzstan.]. M., 1973. Vyp. 1. 280 s. (in Russian).

Pikov G. G. *Zapadnye kidani* [Western Chitans]. Novosibirsk, 1989. 196 s. (in Russian).

Pikov G. G. *O stolitse gosudarstva zapadnykh kidanei* [About the capital of the Western Chitan state]. *Vostochnaia Aziia i sosednie territorii v srednie veka* [East Asia and neighbouring territories in the middle ages]. Novosibirsk, 1986. S. 24–33 (in Russian).

Chingiskhan. Istoriia zavoevatelia mira, zapisannaia Ala-ad-Dinom Ata-Melikom Dzhuveini [The history of the world conqueror, written Ala-ad-DIN ATA-Melik Juwayni]. M., 2004. 688 s. (in Russian).

Chuiskaia dolina. Trudy Semirechenskoï arkheologicheskoi ekspeditsii [Proceedings of the Semirechensk archaeological expedition]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]. M., L., 1950. T. 14. 160 s. (in Russian).

Chan Hol-lam. Chinese Official Historiography at the Yuan Court. The Composition of the Liao, Chin and Sung Histories // *China under Mongol Rule*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981. S. 56–106.

Menges K. Titles and organisational Terms of the Qytan (Liao) and the Qara-Qytan (Si-Liao) // *Rocznik Orientalistyczny*. Krakow. 1953. T. XVII (1951–52). S. 68–79.

The *Tabakat-i Nasiri* of al-Jawzjani. A General History Muhammadan Dynasties of Asia. Transl. by H. G. Raverty. Calcutta, 1864. V. 2. 418 p.

Vasary I. The origin of the institution of Basqaqs [Proiskhozhdenie instituta Basqaqs]. *Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae*. T. XXXII. Fasc. 2. Budapest, 1978. S. 201–206.

Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125) [istoriia kitajskogo obshestva Liao]. Philadelphia, 1949. Vol. 36. 752 p.

Цитирование статьи:

Пиков Г. Г. Роль киданьской элиты в истории государства Си Ляо (Западное Ляо) // *Народы и религии Евразии*. 2019. № 2 (19). С. 36–45.

Citation:

Pikov G. G. The role of the Chitan elite in the history of the state of the Hsi Liao (Western Liao). *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 2 (19). P. 36–45.
